

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И ЭСТОНИИ: ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Васина О.В.

*доцент, кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой социологии;
Санкт-Петербургский государственный технологический
институт (технический университет)
г. Санкт-Петербург, Россия
olgahalliste@mail.ru*

POLITICAL CULTURE OF RUSSIA AND ESTONIA: EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL RESEARCH

Vasina O

*Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology;
St. Petersburg State Technological
Institute (Technical University)
St. Petersburg, Russia
olgahalliste@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается политическая культура российского и эстонского обществ в сравнительном измерении на базе разработок кросскультурных исследований Г. Хофстеде, Г. Алмонда, В.О. Рукавишникова, Л. Халман и П. Эстер. Выработаны основные критерии для измерения исследуемых культур, выявлены их базовые общие черты и специфические отличия. В ходе исследования показана фрагментарность политических культур российского и эстонского обществ, их расколотость, слабая развитость гражданского общества, а также значительная монополизация власти и ориентация на харизматических лидеров.

Annotation

The article deals with the political culture of Russian and Estonian societies in a comparative dimension based on the development of cross-cultural studies by G. Hofstede, G. Almond, V.O. Rukavishnikov, L. Halman and P. Ester. The main criteria for measuring the studied cultures are developed, their basic common features and specific differences are revealed. The study shows the fragmentation of the political cultures of Russian and Estonian societies, their cleavage, the weak development of civil society, as well as a significant monopolization of power and orientation to charismatic leaders.

Ключевые слова: политическая культура, межстрановые компаративные исследования, ценностные ориентации, политическое поведение, раскол.

Keywords: political culture, cross-country comparative studies, value orientations, political behavior, cleavage.

Сравнительные (компаративные) межстрановые исследования сегодня представляются актуальными вследствие активных процессов глобализации, в русле которых сегодня происходят трансформационные процессы как в России, так и за рубежом. В кросскультурных исследованиях по-новому открывается проблема формирования, развития и совершенствования политической культуры. В этих условиях изучение изменения в сознании, интересах, установках и ценностях населения становится чрезвычайно важным.

Политическая культура России и Эстонии в данной работе рассматривается в сравнительной перспективе. Теоретическая база и методика сравнительного исследования политических культур различных стран была определена в совместной работе В.О. Рукавишникова, Л. Халман и П. Эстер [4], а также в работах Ю.В. Ирхина, Г. Алмонда [5] и Дж. Пауэлла. Также используются разработки сравнительного измерения ценностных систем Г. Хофстеде [6].

В данной статье предлагается рассмотрение российской и эстонской политических культур по следующим индикаторам: 1) Исторические условия формирования политической культуры (вследствие особой значимости исторического контекста формирования социальной памяти); 2) Основные ценностные ориентации, характеризующие политическую культуру; 3) Специфика участия в политической жизни общества; 4) Уровень доверия власти; 5) Интерес к политике; 6) Ориентация на демократические ценности в политической культуре; 7) Ориентация на Запад.

Исследуя проблему российской политической культуры, мы наталкиваемся на ряд «клише», стандартных характеристик в определении специфики изучаемого феномена. Большинство социологов и политологов полагают, что государство в силу ряда исторических причин неизменно занимает в общественной жизни России доминирующее положение. Патернализм, на наш взгляд, и на сегодняшний день сохраняет свое воздействие на политическое сознание значительной части российского социума. Это также обуславливает и то, что сегодня и президент, и премьер-министр берут на себя гораздо больше функций, нежели им предписано (лично посещают больницы, аптеки и магазины, проверяют цены на продукты, лекарства, завоз нового оборудования и т.д.). В патерналистски ориентированном обществе такие действия служат демонстрацией эффективности власти, что в свою очередь является механизмом ее легитимности. Данный тезис об ориентации на государственный патернализм как устойчивой характеристике российской политической культуры подтверждают и результаты исследования Левада-центра, проведенного в июле 2018 г. [3], где 62% респондентов ответили, что «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни», 30% участников опроса уверены, что государство «должно устанавливать единые для всех правила игры и следить за тем, чтобы они не нарушались». Тех, кто за минимальное вмешательство государства «в жизнь и экономическую активность своих граждан», меньшинство — всего 6%.

Однако, с другой стороны, для российской политической культуры характерно дистанцирование от государства, отчуждение от него и рядовых граждан и представителей самой власти (чувство «алиенации»). Феномен отчуждения проявляется и в том, что даже политики, говоря о власти, предъявляют к ней претензии как сторонние наблюдатели («не соблюдаются законы», «власть действует непрофессионально», «не соблюдаются правила игры» и т.д.). Таким образом, сегодня складывается ситуация фактической безответственности: «с этим должны разобраться», «это необходимо решить» и т.п., в связи с чем необходимо решать серьезнейшую проблему персонификации ответственности, которая ведет к распространению чувства социальной несправедливости среди населения и, как следствие, к отчуждению и политическому абсентеизму.

В современной России вопрос о доверии государству, власти – один из наиболее трудных и сложных. В политическом сознании большинства россиян практически нет установок на активизацию роли личности в политическом процессе, что означает доминирование «пассивных» типов политической культуры наших граждан. Этот тезис подтверждает и исследование Левада-центра от 13-19 декабря 2018 года, согласно которому **более активно участвовать в политике не готов 41% россиян, а еще 33% респондентов на соответствующий вопрос ответили «скорее нет» [1].** Таким образом, политическая культура российского общества пока устойчиво сохраняет в себе подданнические тенденции.

В эстонской научной литературе предлагается рассмотрение современной политической культуры Эстонии сквозь призму следующих основополагающих ценностей: 1. Материальные и инструментальные, 2. Секуляризма, 3. Индивидуализма, 4. Сокращение дистанции власти, 5. Национальное видение мира, 6. Мужественности, 7. Слабость государственных традиций, 8. Слабость гражданской культуры, 9. Слабые коммунитарные значения, 10. Ориентация на изменения, 11. Культура

ненасильственного протеста и антимилитаризм. Данная типология интересна и важна, однако представляется, что акценты расставлены не совсем верно, т.к. национальное видение мира сегодня является приоритетным в политике Эстонии, а материальные и инструментальные ценности являются следствием ценности индивидуализма [8]. Это обуславливает некоторое смещение акцента в исследовании эстонской политической культуры в сторону рассмотрения проблемы национальной идентичности, этнического конфликта и собственно этнической демократии (этнократии), сложившейся на территории ЭР, что ярко характеризует этноцентристскую составляющую политической культуры эстонского общества.

Рейн Руутсоо, анализируя эстонскую политику в области гражданства, утверждает, что «этноколлективистская сущность эстонской государственности выражена через подчеркивание коллективных целей эстонцев как представителей определенного народа и привилегий эстонцев как лиц, принадлежащих к определенному этносу» [11, с. 176]. Во многом с этим анализом соглашается и другой эстонский политолог Прийт Ярве [7, с. 10]. Он применил к Эстонии модель «этнической демократии», разработанную израильским социологом Самми Смууха, которая определялась как политическая система, характеризующаяся противоречием и напряженностью, и сочетающая в себе расширенные демократические права для всех с институциональным господством одной этнической группы. В дальнейшем эту модель в интерпретации Яна Ластика (*Lustick*) на практике применили эстонские исследователи В. Петтай и К. Халлик [10], объясняя происходящее в Эстонии через систему этнического контроля большинства над меньшинством через механизмы сегментации, зависимости и кооптации.

Таким образом, основная черта политической культуры Эстонии – ее национальное содержание и вытекающее из этого национальное противостояние.

Несмотря на то, что Эстония на протяжении довольно долгого времени находилась в составе России, в политических культурах этих двух государств немало различий. Являясь частью Российской империи, в культурном отношении Эстония оставалась частью Запада: жители были лютеранами, пользовались латинским алфавитом, и преподавание в Дерптском университете большей частью велось на немецком, а не на русском языке.

В настоящее время Эстония взяла курс на построение демократии западного образца, в то время как россияне пробуют построить что-то свое, с учетом специфики национального характера (хотя, необходимо отметить, что для обеих политических культур характерна существенная ориентация на Запад). Однако эксперты утверждают, что в Эстонии не выдерживается такой показатель, как свобода слова в СМИ. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что как в Эстонии, так и в России демократическая модель построения общества отличается от «идеальной» в западном понимании, которая опирается на личностную культуру и демократические традиции.

Ценностная система западной демократии основывается на индивидуализме. По мнению исследователей, в этом заключается различие: если в западном демократическом обществе гражданин стремится опираться на собственные силы, то в российском национальном характере укоренился высокий уровень ожиданий от государства, причем очень часто от него ждут не столько хороших законов, сколько конкретных действий, непосредственно затрагивающих его жизнь. Здесь интересно сравнить Эстонию и Россию по индикатору «индивидуализм» в шкале кросс-культурного сравнения ценностей голландского исследователя Г. Хофстеде. По мнению ученого, Эстония более обособлена, чем Россия, хотя показатели не носят антагонистический характер: у Эстонии показатель индивидуализма составляет 39, а у России 60 (таблица с данными: http://www.geert-hofstede.com/hofstede_dimensions.php). Таким образом, для России более

характерны коллективистские ценности и осознание себя как «Мы», в то время как в Эстонии больше важна защита частных интересов и осознание себя как «Я». Это подтверждают и отечественные исследователи. Е.В. Притчина полагает, что политическая культура России, формировавшаяся в условиях отличных и от западных, и от восточных, породила качественно отличные представления о сущности политики, власти и взаимоотношений общества и государства. Поэтому модель политической культуры России не может быть сведена ни к западной, ни к восточной [2, с. 105].

Говоря о сходных чертах анализируемых политических культур, необходимо отметить, во-первых, лишь начальный этап формирования национальной идеи как таковой и в Эстонии, и в России. В России национальная идея заменяется попыткой консолидации общества на основе чувства гордости за победу в Великой Отечественной войне, у эстонцев – на основе национальности. В результате на фоне таких интерпретаций в Эстонии получил развитие не гражданский, а именно этнический национализм. Однако здесь наблюдается противоречие в ориентациях эстонцев (возможно даже следует говорить в данном ключе о кризисе самоидентификации) – в отношении России они хотят быть эстонцами и сохранить свою национальную идентичность, а в отношении стран Запада и Европейского союза – европейцами.

Во-вторых, и в России и в Эстонии на сегодняшний момент наблюдается монополизация власти и политическая слабость оппозиции. В России это концентрация власти в руках правящей партии, в Эстонии же двух партий – Центристской и партии Реформ. По мнению исследователей, в посткоммунистической России многопартийность искусственно создавалась на почве однопартийности, поэтому в ней можно наблюдать иллюзорность партийной жизни. Вследствие этого практически единственной моделью поведения оппозиции становится отказ от участия в политической жизни (в качестве ремарки хотелось бы отметить такую общую специфическую черту

политической культуры и эстонцев и россиян, как отсутствие склонности к протестному поведению. Терпеть до конца предпочитают обе нации).

Политическим культурам и России и Эстонии присущи конфликты не только интересов, идей и ориентаций, но и основополагающих ценностей. По идее С. Роккана и С. Липсета, понятие *cleavage*, раскола, должно было связать, с одной стороны, конфигурации европейских партийных систем XX века и, с другой стороны, социальные и культурные различия, дифференциации внутри европейских обществ второй половины XIX столетия, когда эти системы формировались. Эти различия определялись в терминах религии, класса, пространства и этноса [9].

Социокультурный раскол в исследуемых обществах обнаруживает себя в отсутствии реальных рычагов воздействия на власть, обратной связи с государством у народа, что, в свою очередь, приводит к проблеме отсутствия доверия власти у значительной части населения в сочетании с дефицитом легитимности институционального порядка. И в Эстонии, и в России нет института отзыва депутатов, в связи с чем избиратель становится интересен представителям власти только непосредственно на время избирательной кампании. В Эстонии особенно это касается нацменьшинств. Таким образом, власть как в России, так и в Эстонии как бы существует отдельно от общества.

Несмотря на видимую аналогичность ситуаций, согласно шкале кросс-культурного сравнения ценностей голландского исследователя Г. Хофстеде такой показатель, как «Индекс дистанции власти» (PDI) составляет в России – 93, в то время как в Эстонии – 40. Это ставит Россию в число культур с наиболее резко выраженной системой распределения власти по вертикали [6, с. 502] и высокой степенью зависимости от государства. В Эстонии же, по Хофстеде, наблюдается меньшая степень ожидания и допущения неравномерности распределения власти, а также построение отношений на основе равенства и уважения к личности.

Понятие «раскол» также обозначает универсальность жизни обоих обществ: раскол между властью и народом, народом и интеллигенцией, интеллигенцией и властью, между различными религиозными направлениями, политическими силами и т.д. Политическую культуру и России, и Эстонии характеризует антагонистическое сосуществование субкультур, что является одной из причин отсутствия базового консенсуса и национального согласия.

Если следовать классической концепции расколов (*cleavage*) С.М. Липсета и С. Роккана, где под расколом понимается структурный конфликт между социальными группами, можно утверждать, что в России остро выражены все обозначенные исследователями расколы. Наиболее остро проявляются расколы между городом и деревней, между центром и периферией, причем центром могут выступать не только крупные города России, но и областные и республиканские центры. Данный тезис подтверждает, в частности, электоральная география, в соответствии с которой в «центре» более высок уровень поддержки либеральных политических взглядов, в то время как на «периферии» - консервативных («идеологический раскол» [9]).

Чрезвычайно остро проявляется и раскол, основанный на социально-экономическом размежевании. Тема разрыва между богатыми и бедными, между крупными экономически развитыми мегаполисами и остальной Россией широко освещена в научных публикациях. Так, индекс Джини (Gini), показатель, фиксирующий неравномерность распределения доходов в обществе, составил на 2015 год 37,7 в России, и 32,7 – в Эстонии, что свидетельствует о наличии расслоения, однако в меньшей степени, нежели в российском обществе.

Раскол по религиозно-этническому основанию становится особенно актуальным в последнее время в связи с все возрастающей межнациональной нетерпимостью, распространению ксенофобских настроений в российском

обществе. В Эстонии этнический раскол является определяющим и обуславливает социально-экономический. Более того, не стоит забывать, что т.н. «русскоязычные в Эстонии» - это и правопреемственные граждане, и натурализованные, и граждане России, и граждане иных государств, и неграждане. Плюс внутри каждой из этих групп есть «мы» и «не мы» (идейные, безыдейные, малоидейные и т.д.). Данный раскол обуславливает наличие сегодня нескольких Эстоний: западно-ориентированной Эстонии титульного этноса, а также западно-ориентированной и российски-ориентированной Эстоний национального меньшинства.

Говоря о российском обществе, социологи уже традиционно выделяют три «России»: мегаполисов, промышленных городов, и периферию, состоящую из сел, поселков и малых городов (38% населения страны). В силу такой фрагментарности и говорить о единой политической культуре российского общества чрезвычайно затруднительно.

Говоря об общих чертах политической культуры Эстонии и России, любопытно отметить такую черту как маскулинность. Действительно, исходя из данного измерения уже упомянутого Г. Хофстеде, обе страны являются скорее маскулинными нежели феминными (Россия – 36, Эстония – 30), что означает в контексте политической культуры ориентацию на жесткие материальные ценности. Считается, что к мужским темам в политике относятся темы экономического роста, обороны и т.п., в то время как к женским – тема семьи, заботы, социальной политики и т.д., которые в маскулинных государствах на втором плане. На уровне других форм маскулинности исследователи говорят о таких, как нехватка женщин в политике. Исследования показывают, что в эстонском обществе достаточно сильно распространено мнение, что политика – не женская область, и место женщины скорее дома, чем в принятии участия в решении социальных проблем [см. 12].

По измерению Хофстеде «избегание неопределенности» [6], которое описывает предпочтение строгих законов в ущерб неопределенности и риску, наблюдается существенное расхождение: в Эстонии этот показатель равен 60, а в России – 95, что означает, что для России типично доверие традициям и устоям, а также сложность восприятия новых идей и понятий.

Также не стоит при сравнении политических культур Эстонии и России забывать о различном конституционном устройстве рассматриваемых государств. Эстония является парламентской республикой, а Россия – президентско-парламентской, что обуславливает доминирование в политической системе Эстонии законодательной власти и относительно либеральной организации общества. В свою очередь, в России в связи с ее президентско-парламентским устройством довольно велика роль исполнительной власти, а также степень регулирования общественных отношений.

Подводя итог сравнительному анализу политических культур Эстонии и России, можно сделать следующие выводы:

В качестве общих характеристик политических культур Эстонии и России можно выделить следующие:

1. Ярко выраженная фрагментарность анализируемых политических культур;
2. Попытки построения демократической модели политической системы;
3. Доминирование материалистических ценностей (следствие маскулинности);
4. Отсутствие консолидирующего фактора;
5. Слабо развитое гражданское общество;
6. Монополизация власти и политическая слабость оппозиции;
7. Персонификация власти и ориентация на харизматические личности;
8. Раскол общества: в Эстонии с доминантой этнического раскола, в России – «центр-периферия». Также в российском обществе существенно

противоречие между культурно-ценностным идеалом и восприятием социальной реальности.

В качестве специфических отличных друг от друга характеристик можно выделить преобладание индивидуалистических ценностей в эстонской политической культуре и коллективистских – в российской, а также специфику, обусловленную различным конституциональным устройством политической системы рассматриваемых государств. В дополнение сказанному можно отметить, что для российской политической культуры внешние факторы менее значимы, в то время как для эстонской они становятся все более и более первостепенными (отсутствие самодостаточности).

Список литературы

1. Пресс-выпуск от 24.01.2019. Участие в политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/24/uchastie-v-politike/> (дата обращения 28.02.2019).
2. *Притчина Е.В.* Политическая культура в циклах российской модернизации: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 244 с.
3. Россияне требуют от государства заботы. «Левада-центр» выяснил отношение граждан к руководству страны // Газета "Коммерсантъ". №151 от 23.08.2018. С. 3.
4. *Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М.: «Совпадение», 2000. – 368 с.
5. *Almond G.* Comparative Political Systems // Journal of Politics . – 1956. – Vol.18. – №3. – P. 391-409.
6. *Hofstede G.H.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. (2nd ed.) – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.
7. *Järve P.* Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smootha's Model // Working paper. – ECMI: Flensburg. – 2000. – №7.

8. *Kalev L., Jakobson M.-L., Saarts T.* Eesti poliitiline kultuur: alusväärtused (Эстонская политическая культура: базовые ценности) // Riigikogu Toimetised. – 2008. – № 18. – L. 52–60.
9. *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments / Lipset S.M., Rokkan S. (eds.) Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. – N.Y.: Free, 1967.
10. *Pettai V., Hallik K.* Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Co-optation In Post-communist Estonia // Nations and Nationalism. – 2002. – Vol.8. – № 4. – P. 505-529.
11. *Ruutsoo R.* Eesti kodakondsuspoliitika ja rahvusriigi kujunemise piirjooned (Политика гражданства Эстонии и контуры формирования национального государства) // M. Heidmets (toim.), Vene küsimus ja Eesti valikud (Русский вопрос и эстонские выборы). – Tallinn, 1998.
12. *Sotsiaalministeerium.* Sooline ebavõrdsus: hoiakud ja olukord Eestis (Министерство социальных дел. Гендерное неравенство: позиции и ситуация в Эстонии). – Tallinn: Sotsiaalministeerium. – Tallinn: Folger Art, 2006.